

Лука Владимирович Зырянов

По прозванию Дубенской

*Повесть о походе
Андрея Дубенского
к Красному Яру*

Сокращенная версия под редакцией
Веры Зыряновой
2014 г.

Иллюстрации - В. И. Софрыгина

Горжусь моим земляком

Я живу на юге Красноярского края в селе Казанцево Шушенского района, очень люблю своё село и горжусь им.

Моё село – это улицы, маленькие и большие, прямые и извилистые. Происхождение названий улиц различно. Есть названия, которые даны по их расположению: Лесная, Школьная, Набережная, Светлая. Названия большинства улиц связаны с историей советского периода: Победы, Первомайская, Советская, 60 лет Октября. Несколько улиц носят имена выдающихся политических и государственных деятелей: В. И. Ленина, Н. К. Крупской. Есть улица, которая носит имя героя Советского Союза А. А. Семирацкого.

В любое время года улицы моего села хороши по-своему: зимой – покрыты снежным одеялом, весной – утопают в аромате цветущей черёмухи, летом – наполняются голосами детей, а осенью они становятся золотыми.

Но не названия, не размеры, не красота улиц - настоящее достояние моего села, а люди, которые жили и живут в нём. Я хочу рассказать о жизни и творчестве моего земляка Луки Владимировича Зырянова.

Это учитель, поэт, участник Великой Отечественной войны. Множество испытаний привелось пережить Луке Владимировичу. Нельзя не восхищаться этим человеком, его силой воли, целеустремлённостью, богатством и одарённостью его натуры. Он очень любил свой край, свой народ и был ответствен за его будущее.

Лука Владимирович не является коренным жителем села Казанцево, он переехал сюда в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. Родился он в деревне Большая Кеть Пировского района Красноярского края 28 октября 1914 года. В детстве, как и все дети того времени, Лука работал в колхозе и учился в школе рабочей молодёжи. Именно там

способности к сочинению стихов заметил его учитель, известный поэт Игнатий Рождественский. Он советовал мальчику совершенствовать свой талант, но, к сожалению, тогда не было на это возможности.

Позже Лука Владимирович учился в финансово-экономическом техникуме в городе Иркутске, работал в райфинотделе, а в тысяча девятьсот тридцать седьмом году поступил в Красноярский пединститут. Через год учёбу пришлось оставить из-за болезни. Затем – работа школьного учителя – уроки физики и математики в школах Каратузского района.

В июле тысяча девятьсот сорок второго года Луку Владимировича призвали в Красную армию. Зырянов участвовал в боях подо Ржевом в стрелковом полку в качестве писаря батальона. Бои были очень тяжёлые. После того, как в одном из боёв начальник штаба батальона был ранен, его обязанности было поручено исполнять нашему земляку. В одном из боёв Лука Владимирович был ранен и отправлен в госпиталь. После восстановления его направили в Ярославское миномётное училище, а потом лейтенант Зырянов воевал на Втором Украинском фронте в составе восьмьсот тридцать пятого стрелкового полка в должности командира артиллерийской батареи. В своих воспоминаниях о военном времени Лука Владимирович пишет: «Было это в Венгрии. Немецкая группировка атаковала позиции полка и стремилась захватить нашу батарею. Мы открыли такой огонь, что почти всю вражескую пехоту и сопровождавшие её танки уничтожили. Командир 7-й Гвардейской армии после боя приказал построить личный состав батареи. Он поблагодарил артиллеристов за успешный бой, а меня тут же наградил орденом Красной Звезды». Война для Луки Зырянова закончилась в Австрии. На всю жизнь ему запомнилось посещение музеев Листа и Бетховена в Вене.

На родину Лука Владимирович вернулся в тысяча девятьсот сорок шестом году и стал учительствовать в Новосёловском районе, учил детей математике, физике, истории. Учил других, учился и сам. Заочно окончил исторический факультет педагогического института. Пятнадцать из тридцати пяти лет своей педагогической деятельности был директором школы в посёлке Чулым Новосёловского района.

Совмещать педагогическую и творческую деятельность было по-прежнему сложно. Благодаря поддержке его учителя И. Рождественского, который, узнав, где живёт Лука, написал ему письмо с советом – не бросать творчество, Лука Владимирович начал писать стихи, печататься в новосёловской районной газете.

Посвятить себя творчеству в полной мере Луке Владимировичу уда-лось только после выхода на пенсию. Стихотворения «Я помню море - Енисей», «Река сибирская весною», «У черёмухи», «Сосны» и другие посвящены родному краю, природе, людям. В стихотворении «Люблю я тайгу» автор пишет:

...Я с вершины кедров любовался тайгою:
Красота, синева – глаз нельзя оторвать!
С каждой ели до неба достанешь рукою
Только небо ведь это и есть – синева!...

Во многих стихотворениях присутствует тема взаимоотношений человека и природы. Автор с негодованием подчёркивает потребительское отношение человека к природе:

...Самое прекрасное погубло.
Человек ведь сам себе злодей!
Голодает птица боровая,
Вымирают чудо-глухари,
Вся Сибирь – добыча даровая
Тех, кто Русь и губит, и зорит!...

В стихотворении «Новосёловский вальс» автор выступает с призывом к современникам:

...Любите природу, храните природу,
Она наша добрая мать,
Даёт нам для жизни и воздух, и воду,
Пока существует сама!...

Не обошёл в своём творчестве Лука Владимирович и тему села Казанцево. Им создано стихотворение «За Оей»:

Жара. Духота. Где-то слышится гром!
Природа от зноя томится.
И только за Оей, над скальным бугром,
Летает какая-то птица.
В полёте легка, опереньем светла,
То падает вниз, то взлетает!
Чем эта река и эта скала
вниманье её привлекает?...

Самым значительным произведением Луки Владимировича стала поэма «По прозванию Дубенской», для написания которой он изучил работы историков, писавших об освоении Сибири, в том числе «Историю Сибири» в 2-х томах Г. Ф. Миллера. В поэме описывается поход землепроходцев под предводительством Андрея Дубенского в Сибирь с целью освоения дикого края. В статье «Ветеран, поэт, учитель», опубликованной в газете «Красноярский рабочий» в 2006 году, автор В. Луговой отмечает: «Те, кто читал поэму Луки Зырянова об Андрее Дубенском отмечают, что автор сочетал былинный эпос и сказки, песенные напевы и пословицы, разнообразие стихотворных размеров с достоверностью фактов и событий, реальных героев».

Жена Луки Владимировича Нина Юрьевна вспоминала: «Трудился он над созданием поэмы самозабвенно, днём и ночью. Несмотря даже на то, что резко стало падать зрение». Когда Лука Владимирович в 1991 году совсем перестал видеть, он продолжал работать. Фронтное мужество, сила воли позволили ему выдержать ещё одно испытание в его жизни. В 1995 году произведение было издано в Шушенской типографии.

Затем были другие публикации:

- сборник стихов «Нашей жизни мгновения» (Шушенское, 2001 год),
- книга «По прозванию Дубенской» - поэма об Андрее Дубенском и лирика (Красноярск, 2004 год),
- подборки стихов в ежегодниках «Поэзия на Енисее» издательства «Буква» за 2003, 2004, 2005, 2007 годы.

Умер Л. В. Зырянов 7 февраля 2006 года в возрасте 92 лет. Учитель, воин, поэт. А ещё любящий муж и заботливый отец пятерых детей. Трудолюбивый, добрый и мудрый человек. Таким он запомнился людям.

В октябре 2014 года исполняется сто лет со дня рождения этого удивительного человека. Сегодня в селе Казанцево живут дети Луки Владимировича: Леонид Лукич Зырянов и Вера Лукинична Чицова.

А в село снова пришла весна, и улицы совсем скоро наполнятся ароматом черемухи. И я мечтаю, чтобы одна из улиц в моём родном селе носила имя моего земляка-красноярца – Луки Владимировича Зырянова!

*Елизавета Евдокимова
с. Казанцево*

Лука Владимирович Зырянов

По прозвищу Дубенской

Повесть о походе
Андрея Дубенского
к Красному Яру

Глава 1 МАКОВСК. ЕНИСЕЙСК

Желая память удлинить
И к жизни предков приобщиться,
Я прибегаю к чтению книг,
Воспоминаньям очевидцев.

<...>

Один мой предок на Кети
Во время молодости ранней
В Москву за песнями пойти
Решил, гонимый жаждой знаний.

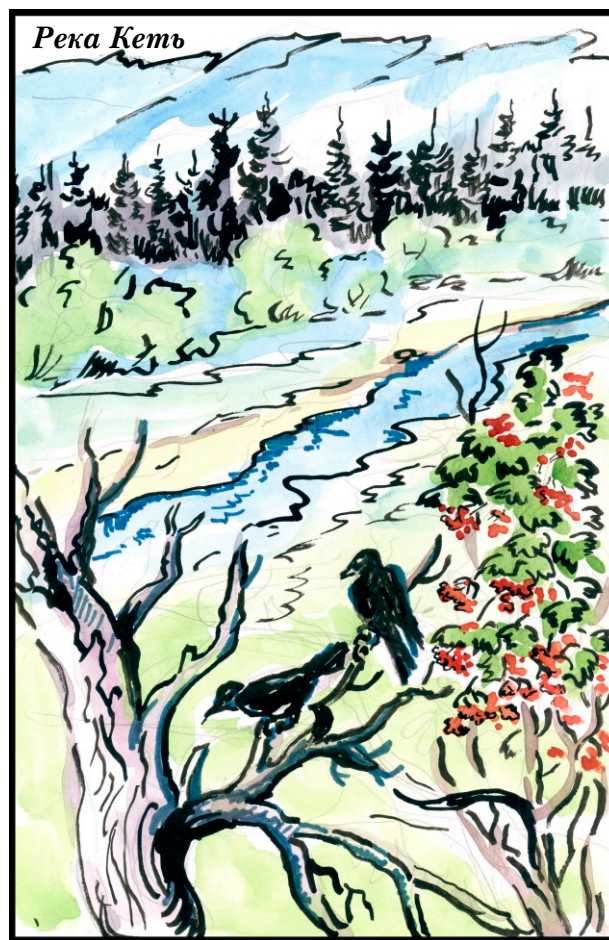
<...>

Он был кузнец и всем сказал,
Что едет в Маковск за металлом.
Там крицы¹ томские, и сталь
Из них отличная ковалась.

Взял лук тугой, топор и нож,
Рожон, насаженный покрепче;
Ещё кожан, вдруг будет дождь,
Чтоб от простуды уберечься.

<...>

В тайге равнинной Кеть-река,
Как бы за пазухой у Бога,
Течёт спокойно. Глубока,
Ни перекатов, ни порогов.

<...>

День третий весело прошёл.
Когда клонилось солнце долу,
Вдруг вдалеке петух пропел
Куплет приветливый, весёлый.

Возник просвет, и дым пахнул,
И справа, с берега крутого,
Упал, разбившись о волну,
Рисунок тына городского.

<...>

Пониже яра, на мостках,
Виднелися три человека.
Был слышен грохот молотка,
А за рекою отзвук эха.

Остановились мужики
И перестали конопатить,
Заметив, что середь реки
Бродяга неизвестный катит.

- Поведай, молодец, ты кто?
Куда торопишься, откуда?
- Иду сюда, в Тобольск² потом.
А родом большекетский буду.

<...>

- Один из этой стороны
Идёшь в Тобольск, да ты в уме ли?
- Нам песни новые нужны;
Одни и те же надоели.

- А как по имени? - Иван.
- Иван. Кругом одни Ивановы...
Коль к нам приплыл, будь в гости зван.
Пойдём на ужин, час неранний.

Что ж, посмотри наш монастырь,
Или тюрьму, считай, как хочешь.
Здесь тишина лесных пустынь
Молчаньем голову морочит.

<...>

Мы бережём казённый хлеб,
Его везут нам из Тобольска,
Чтоб всех, кого Москва пришлёт,
Поставил Маковск³ на довольство.

Пошли по яру над рекой
Кудрявой травкой-муравою,
Открылись дали над тайгой,
Взор завлекая синевою.

<...>

Не доходя до крепостцы,
Стояли избы, как попало:
Штук двадцать низких и пустых,
Являя вид полуразвала.

- Времянки это. Дубенской
С дружиной ставил для зимовки.
Теперь в них пользы никакой,
И на дрова рубить неловко.

Сошлись казаки вечерять,
Пятнадцать душ за стол уселись.
- Подать бы гостю, - говорят, -
Из уваженья, для веселья.

<...>

В застолье вёлся разговор
О двухпудовых кетских щуках:
Такая схватит за багор,
То удержать её не шутка.

Два глухаря способны влезть
В один слопец, а в пасть - два зайца.
Была бы соль, а мясо есть.
Живи спокойно, отъедайся.

<...>

Приезжего осилил хмель -
И сердце весело забилося.
Он вдруг запел, да так запел,
Что вся дружина подключилась!

<...>

Напелись вдосталь... - Ах, ты брат,
Так вот ты кто. Теперь понятно.
За сердце песней можешь брать,
И подпевать тебе приятно.

<...>

Покуда пели, тихо ночь
Легла на росные постели,
Лес охватило тишиной,
В лугах умолкли коростели...

<...>

Иван уже неделю ждёт,
Когда появится попутчик,
Ну а его всё нет и нет.
Такой, выходит, невезучий.

<...>

Иван всю крепость осмотрел,
Век любовался бы на башни:
Как лабаза, а в брёвнах стрел
Торчало с дюжину застрявших.

- Ого, да здесь была война,
Кого-то черти приносили!
И захотелось узнать,
Кто воевал, чьи победили.

А в крепости служил как раз
Казак Терентий Евдокимов.
Его о Маковске рассказ,
Суть сохраняя, повторим мы.

"В Югорье, дикой стороне,
В Пельме⁴ - малом городишке
Был человек, известный мне,
Трудом немалого достигший.

<...>

Охотно брался за дела:
Походы, поиски, разъезды.
Его земная даль звала,
Пути указывали звёзды.

<...>

Пётр шёл с охотою в Москву,
Любя великую столицу.
Там можно встретить всю страну,
На целый год наговориться.

Побыть в Кремле и при Дворе
И навестить родных, знакомых.
Он лично видел трёх царей,
Присутствовал на их приёмах.

<...>

Идя обратно из Москвы,
Брал ещё большую обузу -
Вёз семьи лапотной братвы,
Как состраданию не чуждый.

Их, снявших царское тягло,
Манила воля, и в ту пору
В Сибирь далёкую влекло
За новым счастьем, новым горем.

Доставит и весною сам
Всех разведёт по лучшим гарям,
Укажет, где занять места,
Потом отпишет Государю.

<...>

Таким вот был Албычев Пётр,
Пельмский житель, сын боярский,
Имел обилие хлопот,
Труда и риска не боявшись.

Когда поставить городок
Москва надумала в тунгусах,
Начал манить Петра восток,
Поразыгрались мысли-гусли.

Задумал посмотреть места,
Где постоянно солнце всходит,
Узнать, какие там леса,
Иные повстречать народы.

Не стали долго размышлять
На воеводстве и в Приказе
О том, кого в тунгусы слать,
Албычев не согласен разве?

<...>

Что ж, есть Указ, тому и быть.
Как олово, царёво слово.
Пускай украсится Сибирь
Албычевским острогом новым.

<...>

Сначала становили тын
Большим квадратом вокруг поляны,
Чтоб можно было поместить
Внутри весь город трёхизбяный.

Срубили избы. На дыбки
Две башни стали, с них далеко
Всё видно в лес и вдоль реки.
Гудят бойницы, как жалейки,

При сильном ветре. И амбар
Срубили малый для поклажи.
Начали к Енисею сбор.
Но кто грядущее предскажет?..

<...>

Тунгусы, подступивши вдруг,
На поединок звать начали.
"Хавун!" и "Химилгэн!"⁵ - орут
И машут копьями, мечами.

А впереди Данул стоял
Высокий, мускулистый, статный.
В одной руке держал кинжал,
Как Шимтавуль⁶ держал когда-то.

Молчала крепость, и толпой
Тунгусы ринулись на приступ.
Пустили стрел колющий рой.
Их крик стал более неистов.

"Хавун!" Идут, чтоб лезть на тын,
А впереди, кто посмелее.
Тут гром ружейный зачастил
И нападающих рассеял.

Установилась тишина
Ненарушимая, лесная.
"Эй, вы! Кому нужна война?
Куда девались? Мать честная!

Но рассудительный Данул
Из обстановки вывод сделал.
Людей собрал и повернул
В свои домашние пределы.

<...>

Когда Данул ушёл, затих
Албычев, подобравши место.
На Енисей людей своих
Сводил для заготовки леса.

А в Маковске зазимовал,
Где были избы, в избах печи.
Отряд рыбачил, лесовал,
Жил сытно, весело, беспечно".

Потом весной дружина вся
Перетащилась к Енисею
Лес окантовывать, тесать,
Избушки ставить побыстрее.

А на уме у всех - домой,
Да скоро ль кончится отлучка?
И вдруг замена! Бог ты мой!
Чего ещё быть может лучше?..

Пришёл Трубчанинов Максим,
Чтобы принять острог Тунгусский,
И три десятка свежих с ним
Опять-таки людей. Не густо.

<...>

Своих людей построив в ряд
Длиною в целых восемь сажень,
Албычев доложил: "Отряд
Два города поставил, княже!"

<...>

Известный нам боярский сын
И атаман Петро Албычев
С тех пор исчез. Что стало с ним?
Нигде словечка не отыщешь...

Но всё же память навсегда
О нём в истории осталась:
Умел он строить города
И одолел дорог немало.

Купив железа, наконец,
Буры, и олова, и меди,
Наш менестрель Иван-кузнец
Домой нетерпеливо едет.

И каждый взмах его весла
Немножко приближает к дому.
А нам сейчас пора пришла
К герою перейти другому.

Примечания автора к Главе 1

1. Крица - рыхлая, пропитанная шлаком железная масса, из которой в результате обработки получается железо или сталь.

2. Тобольск - город в Тюменской области, расположенный при впадении р. Тобол в р. Иртыш. Древняя столица Сибири основана отрядом казаков в 500 человек под руководством Данилы Чулкова в 1587 году.

3. Маковск - основан в 1618 году тобольскими служилыми людьми П. Албычевым и Ч. Рукиным.

4. Пелым - построен в 1593 году, сгорел 8 июня 1621 года.

5. Хавун, химилгэн - древне-тунгусский ритуальный вызов на поединок.

6. Шимтавуль - герой тунгусского эпоса.

Глава 2

ХРИПУНОВ И ДУБЕНСКОЙ

Острожек новый, Енисейск,
Неторопливо и умело
С дружиной свежую своей
Максим Трубчанинов доделал.

<...>

Но год прошёл, и смена вновь,
Стал воеводою Байкашин.
А в год четвёртый – Хрипунов¹,
О нём подробнее расскажем.

Родитель Якова - Игнат,
Крестьянин ржевский черносошный²,
Уж ровно тридцать лет назад
В Сибирь далёкую был сослан.

К нему однажды, будто гром,
Перепугавший семью сразу,
Иван Алферьев в бедный дом
Явился от царя с указом,

Сказав: "В Сибирь вас всей семьёй
Царём мне велено отправить.
Игнат, артачиться не смей
И собирай свою ораву".

Была кибитка для детей -
Кошмяный полог над санями.
Мать села с ними, горе ей!
А дети ехали с песнями.

В Москве царь Фёдор³ попенял
Перед отправкою в дорогу:
"Игнат, ты сам довёл меня
Своею неуплатой долга".

И из Москвы на Ярославль,
Потом на Вологду тащились.
Хоть осень тёплая была,
Но льдом все реки замостились.

Из Вологды путь на Тотьму,
Потом до Устюга и Перми...

<...>

Полк шёл в поход, а вслед за ним
Тянулись переселенцы...
Пришли, построили Пелым,
И башни сделали, и стены.

И, поселясь в Пельме том,
Игнат с великою семьёю,
Себе построил новый дом
И стал трудиться над землёю.

А старшего из сыновей
Определил позднее в казаки
За денежки служить Москве,
За хлеб и соль, и крупы всяки.

<...>

Сын Яков как-то был в Москве,
Его спросил один боярин:
"Скажи-ка мне, голубчик-свет,
Не из Пельма ль будешь, парень?"

- Пельмский сотник Хрипунов.
- Уж не Игнаши ль Хрипунова?
- Его. - А я давным-давно
Ел хлеб из рук отца твоего.

<...>

Была беседа - Хрипунов
Стал Енисейским воеводой.
Посеял доброе зерно
Отец, достались сыну всходы.

Начавши службу со стрельца,
Дойдя до сотника в Пелыме,
Он, как неглупый сызмальства,
Годился в воеводы ныне.

На дальнем городе Руси,
На превеликом Енисее,
За Енисеем тунгусы,
За тунгусами – сучкирей⁴.

В Москве случилось повстречать
Ему Андрея Дубенского.
Разговорились невзначай -
И каждый вдруг узнал своего.

- Пойдём со мной! А что? И впрямь
Приказу нужно человека,
Чертёж составить тем местам,
Сходить в далёкую разведку.

Пришли к царю. Решили всё.
Тот, просьбы суть уразумея,
Велел послать на Енисей
Совместно с Яковом Андрея.

Царь удивился: дворянин
Идёт в помощники к простому.
- А мы равны по чину с ним,
И сотники, и пустодумы⁵.

Итак, московский дворянин
И из Пелыма сын мужицкий,
В связи с заданием одним,
Сумели крепко подружиться.

Имея вотчину в Дубне,
В Москве снимая боковушку,
Андрей все деньги слал жене,
А сам кормился на полушки.

Они шагали из Кремля,
Вдруг ставши витязями счастья!
В них сила свежая влилась,
Истекшая от высшей власти.

В снегах рассыпались лучи.
Ямщик с повадкою разбойной
Свистит, а пара серых мчит,
И колокольчики трезвонят.

На Ярославль, на Вологду
И на Тотьму, Устюг Великий,
По сторонам леса идут,
Деревни малые, починки.

А за Чердынью Соликамск,
Оттуда к Верхотурью прямо...
Артём Бабинов⁶ отыскал
Короткий путь, удобный самый.

В Тобольске жили до весны
И водополя ожидали.
Стружок построили для них,
Нашли гребцов, охрану дали.

И началась борьба с водой,
При неумолчном птичьем гаме
Плыл струг, как месяц молодой,
Качая острыми рогами.

<...>

Андрей на глаз вёл счёт верстам,
Снимал на лист реки теченье.
И путеводная звезда
Для них являлась в час вечерний.

Зашли в Сургут, Нарым и Кетск,
Полюбовались городками.
И будь то хант, селькуп иль кет,
Все люди были добряками.

Вот отдых в Маковске свершив,
Наняв попутную подводку
И вещи на неё сложив,
Пошли на службу воеводы.

Долблёный карбас⁷ через Кемь
Казачи мигом перегнали,
А вскорости дошли до стен,
Навстречу дым пахнул блинами.

По запаху - медвежий жир
И отдаёт немного псиной.
Куда ни сунешься, Сибирь
Распространяет дух звериный.

Хмелевский Павел удивлён,
Обрадован - его сменяют.
Быть воеводой не хотел,
Пускай другие принимают.

<...>

Большую книгу получив
С учётом платежей ясачных⁸,
Пушнину, деньги и ключи,
Приняли власть пришельцы наши.

В ЕНИСЕЙСКЕ

Мал городок, стрела из лука
Перелететь могла его.
И избы жался друг к другу,
Мешаючи одна другой.

Но увеличилась запашка,
Со стен видны поля, стога.
Была крестьянская замашка
У всех приехавших сюда.

Казаки весело и дружно
Сбирали ягоды, грибы,
Ловили рыбу. В печках - сушка,
Копченье - в полости трубы.

<...>

Когда озёра и болота
Морозом крепко закуёт,
Сбирать ясак, хоть неохотно,
Идут посланцы воевод.

<...>

Был каждый соболь с личной биркой
Его добывшего ловца.
Так, с помощью земли сибирской,
Сил набиралась Москва...

В тот год к востоку шли буряты,
Отряд в две тысячи бойцов.
И сразу же навстречу к "братам"
Пошёл известный Ждан Козлов.

С Козловым послан был Лодыгин
Василий, третий Иванов
Ананий, хоть и не ярыги⁹,
Сумели выведать умно,

Что крепостишек не имеют,
Не помышляют воевать,
И к Енисейску по зиме их
Совсем не надо ожидать.

Ясак в амбаре сосчитали,
Полюбовались на мех...
Задумали герои наши
И впредь удваивать успех.

Чтоб увеличить сбор ясачный
И защититься от орды,
Надумали герои наши
Вверху острог загородить.

Весною в сторону другую
К аринам, тюлькичам пойдём.
Кадило новое раздуем
Да и заутреню начнём...

- Андрей, ты опытен, начитан,
Не то, что я, не из простых.
Под город место подыщи там,
Чтоб было больше красоты.

Конечно, лучше, если "стрелка",
Чтоб с трёх сторон была вода
И, по возможности, не мелкой...
Так люди строят города.

ПОХОД НА КАЧУ

Разлив весенний отыграл,
Прошли лога, явились травы,
Настала лучшая пора
Заняться делом самым главным.

И заодно собрать ясак,
Коль нет хвостов - про долг напомнить.
Мешки, котлы и тусса
Удобней выючили на коней.

А Дубенской набрал с собой
Перо, бумагу и чернила.
Бумагу всю свернул трубой
И аккуратно зачехлил он.

На лист отдельно наносил
Маршрут через леса, поляны;
Отрядик малый ехал с ним
На помощь, воеводой данный.

Навстречу выехал Татуш
И пригласил побить в улусе,
Сказав: "Ясак даём, так уж,
Наверно, гостя не укусим!"

На масле жареный ячмень
Жевали, мясом заедали,
А за радушие, взамен,
Винца хозяину подали.

<...>

Когда селись на коней,
Татуш заговорил о деле:
"Андрей, отдай уздечку мне,
А на коня мою наденем".

И снова в путь, подъём да спуск,
Луга в цветах ласкали взоры,
Дул ветерок, и сбитый гнус
Надоедал лишь в заветёрье.

День догорал, облив огнём
Леса на гребнях гор высоких.
Решили: здесь и повернём,
Горами не пройти с наскоку.

До самой утренней зари
Спал на крутом яру отрядик...
Их разбудил козлиный крик,
Вскочили, собираться надо.

Спустились ниже, где трубой,
Каменьев россыпи осилив,
Между Геракловых столбов
Река в равнину выносилась.

Там, за рекой, видна скала,
Как основание для трона
Неустрасимого орла -
- Царя пернатых и тирана.

А ниже, всех очаровав,
Расположилась равнина.
К ней слева красный яр, как вал,
Гора обрывом уронила.

Отрядик выехал на мыс,
Что остро реками заточен.
"Ну что ж, казаки, может, мы
На этом поиски закончим?"

И с одобрением отряд
Отнёсся к выбору такому:
"Не будем времени терять,
Рассёдывай, вот мы и дома!"

Не поленились обойти
Под город выбранное место.
Здесь есть, где улицам расти,
И пахарям не будет тесно.

Достал Андрей бумаги лист,
Берёсту взяли подстелили
И, начиная сверху вниз,
Сначала гору поместили.

Как хвостик, Качу провели,
Соединили с Енисеем,
А после горы, что вдали
В большом скоплении синели.

"Красивый край, - сказал Андрей, -
- Накрытый синею короной,
Как будто для богатырей
И для красавиц сотворённый".

<...>

На мысе ночку провели.
Заря пылала так красиво,
Кричали горные козлы,
Морские ласточки носились.

ПИСЬМО К ЦАРЮ

В письме к царю любое слово
Иметь способно два конца,
Что в трудной службе Дубенского
Немало значило сейчас.

<...>

Но всё же буквы зацепились,
Между собой не подрались

И в строчки новые сложились,
И в челобитную слились:

"Царь-государь, тебе мы пишем
Из Енисейска-городка.
У нас имеется мыслишка
Об умноженьи ясака.

Мы просим в Тюлькиной землице
Поставить новый городок,
Чтоб от немирных орд прикрыться
Весь енисейский север мог.

Чтобы призреть народ аринов
А также качинских татар,
Границу нужно передвинуть
Вверх по реке под Красный Яр.

Тогда отряды Алтын-хана,
Да и кыргызская орда
Их притеснять уже не станут,
Боясь, великий царь, тебя.

С письмом чертёж мы посылаем.
Он снят на месте Дубенским.
На Вашу волю уповаем
И прилагаем две руки.

Хоть впереди хлопот и много,
Но ведь лиха беда - начать".
А ниже - подпись Дубенского
И Хрипуновская печать.

Примечания автора к Главе 2

- 1. Хрипунов - Яков Игнатъич Хрипунов в 1623 году был назначен Енисейским воеводой, с ним был отправлен служивый дворянин Дубенской Андрей Онуфриевич.*
 - 2. Крестьяне черносолонные - в русском государстве 14-17 в.в. лично свободные, т. н. государевы крестьяне, владевшие общинными землями и несшие государственные повинности (налог с сохи).*
 - 3. Царь Фёдор - царь Фёдор Иоаннович (годы царствования: 1584-1598).*
 - 4. Сучкиреи - народ, живший по реке Илим, упоминается в письме тобольского воеводы Ивана Куракина к Максиму Трубочанинову.*
 - 5. Пустодум - фантазёр, мечтатель.*
 - 6. Артём Бабинов - в 1597 году Артём Бабинов нашёл прямой путь из Соликамска в Верхотурье.*
 - 7. Карбас - большая лодка.*
 - 8. Платежи ясачные, ясак - дань, подать с местного населения пушниной.*
 - 9. Ярыга - соглядатый, низкий полицейский чин (помощник).*
-

Глава 3 ПОЕЗДКА ДУБЕНСКОГО В МОСКВУ. НАЗНАЧЕНИЕ

Весною поздней с проектом
В Москву поехал Дубенской¹,
С ним соболей везли по рекам
Полсотни с лишним сороков.

<...>

В Москву приехали к Покрову,
На улицах густая грязь.
Передвигаясь понемногу,
Явились к вечеру в Приказ²...

<...>

Передав челобитную о строительстве
города, чертежи и ясак, Дубенской
спешит проведать семью.

Андрей к себе в Дубну поспешно,
Спросясь в Приказе, убежал.
Тихонько плакал он, сердешный,
Когда к усадьбе подъезжал.

<...>

Родня сбежалась для встречи,
Все целовали - сердце жгло.
"Ах ты, Андрюшка, ах, Андрейча,
Каким ты ветром занесло?"

Отдал все деньги до копейки -
Ему дадут ведь выходных;
И соболей для душегрейки
Для матери и для жены.

А детям пряников московских
И бабок крашенных привёз,
Да на рубашки самой ноской
Сарпинки, тканной наискось.

Так две недели пролетели,
Исчезли, будто круг луны.
Семья страдала: "Неужели
Опять останемся одни?"

<...>

Андрей Дубенской едет в Москву,
ждёт решения царя по его челобитной
о строительстве города у Красного яра
в Сибири.

Пошёл ноябрь, Андрей гуляет
В Москве, а службишка идёт.
Приказ серьёзно проверяет:
А может, Яра вовсе нет?..

Трубчанинов, Байкашин спрошен,
И был опрошен Ушаков,
Но подтвердить никто не может, -
Не заходили далеко.

Чтоб распознать и убедиться,
Тобольск запрашивали вновь.
И Дубенской начал сердиться:
"Я дворянин или бревно?"

Слова царю пришлось по нраву,
В Андрея веру приобрёл:
"Пусть воеводствует по праву,
Коли по голосу орёл".

Андрей тревожился не в шутку:
Вдруг всё насмарку и отказ...
Но вот однажды как-то утром
Ошеломлён был весь Приказ.

Дверь потихонечку открылась
И царь вошёл. Что ж он принёс?
Иль неожиданную милость,
Или опалу и разнос?..

Поднялся князь Черкасский с лавки,
Свершил почтительный поклон,
Как под косою, упали дьяки
Носами в пыль, таков закон!

«Вставайте, кличьте Дубенского!"
"Я здесь!" "Зачем же ты, Андрей,
Стоишь у самого порога?
Тебе ль топтаться у дверей?"

Смотрите, вот Руси опора.
Пока мы все сидели тут,
Он через реки, через горы
На край Руси проделал путь!"

Ещё сказал примерно вот что:
"Его я честь не умалю,
Иди, посланец наш восточный,
Сюда ко мне и сядь к столу.

Будь посмелей, Андрей Онуфрич,
А в том, что мудр, я убеждён.
Письмо читал, чертёж изучен,
Поход до Яра утверждён!

Что с Хрипуновым написали
И ты так ладно начертил,
Внушёно свыше небесами.
Раденье этакое чтим.

Нужны нам новые просторы
С народами, тем крепнет Русь.
У всех людей единый корень.
Что боги разные, то пусть.

Добром и миром всюду ладьте.
Скажи тем Тюлькиным сынам:
- Москва призреет их, как братьев,
Пусть не глядят по сторонам".

"Великий царь, могу уверить:
Коль городку случиться быть,
Он север весь закроет дверью
От своевольных орд злобы".

"Твои старанья царству любы,
Радеешь и прямишь ты нам.
Зато не будет служба в убыль,
Не оскудеет и Дубна.

А чтоб нас помнил постоянно
И честь поддерживал свою,
Тебе сапожки из сафьяна,
Зипун с кафтаном дать велю.

От головы до ног оденься
И золочёну саблю вдень.
В Приказе это всё найдётся,
И ты получишь в сей же день.

<...>

В нас сила есть. Приказ Сибирский
В поход снарядит, не моргнув.
В Тобольске хлеб придётся выскресть,
Забрать казанскую казну.

Мы соберём отряд стрелецкий,
Казачий, как у Ермака.
Такому войску, как ведётся,
Большого нужно жожака.

Чтобы со светлой головою
Свершить поход поздорову,
Я головою войсковою³
Тебя, Онуфрич, назову.

<...>

Свершить поход с казацкой массой
Почти на самый край земли,
Лишь место знаючи, удастся.
Ну, отвечай, согласен ли?

<...>

Прощай, Андрей!" Андрей склонился
К царю удалой головой.
Тот, как пришёл, так удалился
Вдоль по кремлёвской мостовой.

Ему сегодня показали
Ясак в две тысячи хвостов,
И у царя перед глазами
Синел охотничий Восток.

"Да это ж грудa золотая!
На случай - новые полки!
Москва всё выше залетает,
А крылья - мягки собольки".

Свершилось всё, на сердце праздник.
Дождался он своей поры.
Дьяки, Болотников и Грязев
С Андрея пили магарыч.

Ковши вздымали за здоровье,
И князь-боярин тоже пил.
И к каждой чашечке присловье
За угощение ловил:

"Землепроходец, воевода,
Градостроитель и герой!"
Был пир - братания навроде,
Чин обмывали вчетвером.

Примечания автора к Главе 3

1. В Москву поехал Дубенской - в 1625 году Дубенской приехал в Москву с ходатайством о строительстве города на Енисее у Красного Яра.

2. Приказ - приказы - органы центрального управления в России в XVI - начале XVII в.в. Имеется в виду Сибирский Приказ.

3. Головою войсковою - царь Михаил Фёдорович назначил Андрея Дубенского руководителем похода к Красному Яру. Дубенской прибыл в Тобольск к весне 1626 года.

Глава 4 ОТЪЕЗД ДУБЕНСКОГО ИЗ МОСКВЫ

Одевши шапочку соболью,
В сапожках, чищенных не раз,
Взяв подорожную¹ с собою,
Шёл Дубенской в Ямской Приказ.

Он знал, что встретит там сегодня
Того, пред кем благоговел,
И перед князем благородным
Предстать получше норвил.

<...>

Боярин рад: "А, появился,
Не обошёл, сибирский гость!
А всё-таки, по Божьей милости
Тебя увидеть довелось!"

<...>

Высокочтимый князь Пожарский²,
Освободитель, умный вождь.
Был воеводою в Можайске,
Теперь в Приказе стал пригож.

В Боярской Думе заседает,
Дела державные творит,
Все языки как бы съедают,
Когда Пожарский говорит.

<...>

Князь жил в усадьбе у Неглинной,
Простых обычаев держась.
А вот Кузьма Захарыч Минин³
Уж десять лет назад угас.

Был тоже Думным дворянином,
Жил в государственных трудах.
И только горькая кончина
Их разлучила навсегда.

<...>

"Когда в дорогу?" "Завтра утром!"
"Зайти ко мне домой велю,
Не то обидишь. И попутно
Советом, делом пособлю.

Там одна штука завалилась -
Пищаль⁴ карманная, пистоль.
Сперва её почистить малость,
А пристрелять потом изволь.

Эй, где ты, староста конюший,
Беги скорее, князь зовёт!
Дашь Дубенскому коней лучших!
Не часто возим воевод!"

Андрей был гостем у Пожарских,
Поужинал, пищаль принял.
Князь говорил ему: "Пожалуйста,
Бывай почаще у меня!"

Плясали кони, пристяжного
Не удержать, не укротить.
Андрея в дальнюю дорогу
Пожарский вышел проводить.

Ворота настезь. Кони взяли -
И зазвенели бубенцы.
Снег распахали подрезами,
Встряхнули старые мосты.

Перед дорогой трудной, дальней,
Забрав пожитки за рекой,
Ямщик проделал круг прощальный
И по Тверской, и по Ямской.

<...>

Остановились на пригорке,
Крестились на купола...
С Москвою расставаться горько,
Но ждут великие дела.

И тут с дорожной простотою
Спросил ямщик: "Ты кто такой?"
"Я послан новый город строить,
А по прозванью Дубенской".

<...>

И вот опять путём знакомым
От ямок к сёлам, городам
Ямщик усталых коней гонит,
Дорога дикая трудна.

В Сибирь не ездят в одиночку,
А поездом иль как обоз.
Она встречает воем волчьим,
Что свадьбы делают в мороз.

Андрей частенько шёл с купцами,
Пристроившись обозу в хвост.
Так с удалыми молодцами
Спознаться ближе довелось.

Они храбры, затронь попробуй
Купца, возьми товар себе,
Когда он, вывернув оглоблю,
Налево и направо бьёт.

Услышав крик передних "Грабят!",
Готовясь жертвовать собой,
За свой товар купцы порядок
Все принимали боевой.

<...>

Обозы новою дорогою
Тащились тихо, как ползком,
От Соликамского острога
На Верхотурье напрямиком.

<...>

За Верхотурьем путь сибирский
Ничем не лучше, чем в горах:
Разбои часты, волки близко
Подходят, нагоняя страх.

И, осмелевши, волчьи стаи
Неостерёгшихся едят.
А коль пурга в пути застанет,
Уйдёт обоз, и нет следа...

Однажды оттепель случилась,
И снег в колена навалил,
И понесло, и завихрило,
Не видно неба и земли!

Купцы дорогу утеряли,
Дурной затёс завёл в тупик.
На пнях передние застряли,
В сугробах коней утопив.

Уже темнело. Отоптались
И лошадёнок распрягли,
На ночь устраиваться стали
И на дрова сушняк валить.

Тут спохватились - трут утерян
С огнивом, кожаной сумой.
Сухие щепки сколь ни тёрли,
А получали лишь дымок...

Разъяснело, зажглися звёзды,
Мороз ужасно полютел...
Всё кончено. Обоз отъездил,
Коль Бог сберечь не захотел.

Топтались, грелись, но к полночи
Уж ни рукой и ни ногой
Пошевелить никто не хочет,
Клонило в сон, манил покой...

Вдруг скрип заверток кто-то слышит,
Оглобель в головяшки стук!
"Да неужели нам Всевышний
Шлёт избавление от мук?"

И заявился мужичонка,
Кричит: "Догнал я вас едва!
Чего ночуете в потёмках?
Иль не нашли в лесу дрова?"

Купцы ни тяти и ни мамы
Не в силах были называть,
Мычали, лязгали зубами:
"Ну, хватит, будем оживать!"

У мужика в санях - горящих
Углей немаленький горшок.
Вот огонёк уж замаячил,
Потом большой костёр разжёт.

Собрал купцов и разминал их,
Постлав попоны близ огня.
"Да вас, наверно, поминали б,
Коль не случилось бы меня?"

И для купцов, оживших снова,
Из снега чаю вскипятил
И калачей натаял вдоволь:
"Ну, радуйтесь, что вас настиг!"

"А ты-то сам чего надумал?
Куда тебя-то понесло?"
"Я возвращаюсь от кума,
Да вот дорогу замело.

Спешил, я завтра именинник...»
"Так вот в чём дело, это Бог
Тебя послал в дорогу ныне,
Чтоб погибающим помог!"

И старшина свой голос поднял:
"Купцы, послушайте меня!
Вот он - посланец к нам Господний,
Должны ль мы это понимать?"

Освободи горшок сейчас же!"
"А угли как?" "Котёл возьми!"
Дал серебра по горсти каждый,
Горшок наполнивши за миг!

"Огнём я, братцы, не торгую.
В своём вы, купчики, уме?
Я милость получить такую
Не заслужил. Эх, счастье мне!"

"Тебе даём на именины,
Пусть ангел радуется твой.
Коль хочешь, сам торгуй отныне
Или дворец себе построй!"

Так, всё-таки, мороз трескучий
Большой обоз не погубил,
И про счастливый этот случай⁵
Заговорила вся Сибирь...

<...>

*Дубенской прибыл в Тобольск, представил
местному воеводе царский Указ о
выделении казны на создание флота, на
наём людей для похода к Красному Яру.
Но ...*

Но в зиму первую с приезда
И лето целое потом
Дела не стронулися с места
С казной тобольскою пустой...

<...>

И Дубенской отправил летом
Письмо к царю и сообщил:
"Поход сорвался, денег нету,
Ты сам в Приказе поищи".

<...>

И в январе по снежной глади,
Уфимской степью, напрямки,
Везли с серебряною кладью
Казачи полные мешки.

Пятнадцать всадников-казаков,
Башкирских взяв проводников,
Шли, не касаяся оврагов,
Минуя полосы лесов.

Так в январе двадцать седьмого
Пал звонкий дождь на весь отряд.
И оказалось у любого
По фунту с лишком серебра⁶.

<...>

Подобрался добровольцев
Три сотни, ровное число.
Имелись деньги на довольство,
В руках кипело ремесло.

Атаман первой сотни - казак устюжский Иван Кольцов. Рядом с ним его сыновья Милослав, Никифор и Родион. Вторую сотню возглавил сибиряк Иван Астраханцев. Третий атаман - Ермолай Астафьев, имя которого славно ещё и тем, что позднее именно он заложил город Канск.

И все казаки, их немало,
А также вольные стрельцы
Войдут в сибирские анналы⁷
На книжечки жёлтые листы.

Примечания автора к Главе 4

1. Подорожная - бумага, дающая право проезда на казённых лошадях.

2. Пожарский - в 1625 году Дмитрий Михайлович Пожарский заведовал Ямским Приказом.

3. Минин - Кузьма Захарович Минин умер в 1616 году.

4. Пицаль - название русского огнестрельного оружия в 15-18 в. Делились на ручные и затынные (стреляющие из-за тына, укрытия).

5. Счастливый этот случай - о спасении купеческого обоза и о том, как купцы отблагодарили спасателя, в Сибири долго ходили рассказы; сам автор не раз слышал их в детстве.

6. По фунту с лишком серебра - в описываемое время в Московском государстве ходили только серебряные деньги (журнал "Наука и жизнь", № 1-1971).

7. Анналы - (множественное число, лат. *annales* от *annus* - год) - годовые записи событий, связанных с жизнью города, области или страны. Древний аналог русских летописей.

Глава 5 СИБИРЬ ДО ЕРМАКА. ЕРМАК

Теперь оставим Дубенского
С его заботами пока.
Опишем непространным словом
Сибирь. Кучума. Ермака.

Тогда, в годах пятидесятых¹,
Тайбугины держали власть,
Сибирью правили два брата
Едигер и Бекбулат.

Паслись стада. Всегда имелись
Десятки дойных кобылиц,
И в бурдюках больших, без хмеля,
Задор накапливал кумыс.

И жён имели по четыре,
Красавиц разных возрастов.
Согласьем веяло и миром
В домах, где правила свекровь.

Вполне счастливо люди жили,
Хотя царями не звались,
И в каждом доме слышны были
Ребячий смех и звон монист.

<...>

Но нависала над Сибирью
Гроза, идя из Бухары:
Кучум², сын ихнего амира,
Сибирь собрался покорить.

В тот год, когда Москва пригнула
Казань³, избавясь от беды,
Сибирь направила Тягула
Послом к царю, с ним Панъяды,

Тарханов⁴ верных и серьёзных,
Имеющих словесный дар;
И принял их с почётом Грозный,
И пир тогда в их честь задал.

С завоеванием Казани
Послы поздравили его
И доверительно сказали
Про намерения врагов,

Идущих из Узбекистана
С Кучумом, сыном Муртазы.
"Когда невыносимо станет,
Иван, нам помощь окажи!"

Себе на имя запиши нас
И сыновьями назови,
Пусть установится отныне
Союз Кашлыка и Москвы".

Царь дал согласие не сразу.
Был послан Куров Непейцын
В Сибирь далёкую с наказом,
Чтоб клятву братьев получить.

Тогда охотно оба брата
Царю на верность поклялись.
Послы вернулись обратно
И много дани привезли.

"Они богаты, могут больше", -
Посол наушничал царю.
И Едигер ответил: "Столь же
Немного позже соберу!"

Меж тем, потомок Темучина,
Кучум из рода Шейбани
Разбил в сраженьи Тайбугинов
И весь их род искоренил.

Лишь уцелел сын Бекбулата,
Отважный юноша Сейдяк
И, до поры следы упрятав,
Не выдавал ничем себя.

Кучум вести переговоры
Отправил к Грозному послов,
Признать зависимость бесспорной,
Наговорить лукавых слов.

Послы узнали, что, воюя,
Москва становится слаба.
Татары крымские лютуют,
Вкруг городов народ губя.

Уверились: сильнее татары,
Коль в Подмосковье всё сожгли.
Так значит можно и ударить, -
К такому выводу пришли.

В те дни, поверив им на слово,
Подвох не чувствуя никак,
Отправил Грозный Чубукова
Послом к Кучуму, Третьяка.

Сложились планы у Кучума:
Игрой заведомо двойной
Он обмануть Москву задумал
И погубить потом войной.

К набегу Крыма приурочить,
С собой ногаев поманить...
Мулла успех ему пророчил
И лишь просил повременить.

Душа Кучума славы жаждет,
А слава близко, вот она:
Мулла, позвав его однажды,
Сказал, что можно начинать...

"Привыкли русские к мытарствам,
И нет у них богатырей!
Пускай затопчет конь татарский
Всех их детей и матерей!

Коли пришёл момент желанный,
Не надо русского жалеть!"
Посла от Грозного Ивана
Убить немедленно велел⁵.

И тут же сразу Маметкула
Отправил Строгановых жечь,
И по пути зорить вогулов,
Чтоб, устранив, к себе привлечь.

Случайно встретив Чубукова, -
Тот шёл в Казахскую орду
Неосторожно и рисково,
И потому попал в беду, -

Его татары зарубили
И вместе с ним проводников...
Вражду с Москвой усугубили.
Ну и расчёт недалеко.

ЕРМАК

А в годы те на Волге вольной,
Блестевшей чистым серебром,
Творился промысел разбойный,
Большой купеческий погром.

Ходить с товаром стало страшно
Не только персам, но своим.
И послан был Иван Мурашкин
Лихих разбойников ловить.

Он изловил тогда их много,
Да, говорят, ещё побил.
И лишь отряду основному
Спастися случай пособил.

На Каму, к Строганову, войско
Пришлоб, к Максиму: "Вот и мы!
Не ждали нас, а мы по-свойски
Пришли, и ты, Максим, прими!"

Их встретил Строганов радушно,
Где можно было, разместил,
Кормил, поил великодушно,
Оборонять его просил.

Ермак сказал: "Мы двинем дальше -
Здесь нас догонит царский гнев,
Мы там, в Сибири зауральской
Послужим Родине вдвойне".

Снабдив казацкую ораву
И ружьями вооружив,
Максим её в поход отправил,
Чем то же Родине служил.

<...>

Сначала плыли Чусовую,
Потом по Утке Межевой.
Летело время дорогое,
Маршрут был всё-таки слепой.

Пока Ермак по Сылве плавал,
К сибирской двигаясь земле,
По Чусовой разбой кровавый
Творил Атаев Бекбалей.

А через год, когда с войсками
По Чусовой пошёл Ермак,
Кихек разбойничал на Каме
И сжёг там город Соликамск.

И в тот же год на Пермь явился
С большим отрядом Маметкул,
Разбой безжалостно творился
На этот раз среди вогул...

В Москву отправил донесенье
Пелепелицын из Перми:
"Нас грабят, терпим притесненье.
Назад казаков, царь, верни!"

И тут же Грозный соизволил
Отправить грамоту в Орёл⁷:
"Максим, верни казаков волжских
На Чусовую, в Пермь, скорей!"

Пусть от сибирского "салтана»
Они те земли берегут,
Зимой ходить на нартах станут,
Удары делать по врагу.

А коль казаков не вернёте
Иль заберёте их себе,
За всё останетесь в ответе,
Вас наказать даю обет.

А тем, кто нашу землю выдал
И стал служить одним лишь вам,
От нас большие казни выйдут,
Не чтит изменников Москва!

К вам воин Оничков уж послан,
Чтобы казаков возвратить
На Чусовую, в Пермь, а после
Врага набегам теснить".

Ермак, держа высоко знамя,
Всё шёл и шёл по Чусовой,
Про царский гнев совсем не зная
Своей бедовой головой.

Из Чусовой свернули в Утку,
Что называли Межевой;
Река мелела не на шутку,
Как известил передовой.

Их повстречал один зырянин
И указал, что на Тагил
Удобней выйти Серебрянкой,
И сам туда препроводил.

Зазимовав, перетащились
Весной на речку Баранчу,
По Баранче к Тагилу плыли,
Связав плоты, как по ручью.

Ана Тагиле струги⁸ шили,
На это опыт был большой.
Проконопатив, залепили
Еловой серой каждый шов.

И только вышли по Тагилу
На быстроструйную Туру,
В засаду сразу угодили,
Что поджидала на яру.

Пришлось волей иль неволей
Три дня сражаться с Епанчой⁹.
Но победили, побороли,
Не осрамив себя ничем.

<...>

Поплыли вниз рекой Турою
С большой оглядкой корабли:
То вдруг засаду кто устроит,
Не убережешься от стрелы.

И вот у юрты Бабасана
Казаков встретил Маметкул
С его главнейшими войсками,
Но пораженья не минул.

Убойно действуют пищали,
Тут не закроешься щитом...
А пушки коней устрашали,
И те не слушались потом.

А сам Кучум, страдая зреньем,
Почти не годен был для битв,
Стоял за свитой в отдаленьи
И ждал решения судьбы.

Был после бой над долгим яром,
Где впала быстрая Турба.
Ермак прославился не даром
И победить не дал себя.

На корабли наставил чучел
А сам, сойдя, ударил в тыл.
И перед силою могучей
Отряд Кучумов отступил.

Потом сражались с Карачою,
Заняли город карачин.
Здесь атаман с дружиной всею
Немалый отдых получил.

А зимовал Ермак в Тюмени,
Как то архивы говорят
И пишет Ремезов, сомненья
Не вызывает этот взгляд.

Настала осень, заковало
Пути прямые, выпал снег,
Кольцов на базу, в Зауралье,
Дорогой волчьей побег.

Назад вернулся лишь весной,
И с ним три сотенки пришли.
И начались бой за боем
За ставку ханскую Кашлык¹⁰.

Кашлык был занят, хоть дружина
Наполовину полегла,
И стая воронов кружилась,
Кричала, радуясь телам.

Из Кашлыка в Москву с докладом
Отправлен был Кольцов Иван
Вручил Сибирь и, как награду,
"Спасибо" Грозного принял.

*После взятия Ермаком сибирской
столицы Кашлык местные князья
явились признать власть Москвы и
"просили поверить в дружбу поскорей".*

*Из Москвы вернулся Иван Кольцо,
привёз Ермаку грамоту от царя. В
грамоте той говорилось: за успешное
освоение Сибири царь прощает прежнюю
вину казаков. Кроме того, государь послал
Ермаку "с орлами золотыми и на груди, и
на спине, из меди панцирь, чтоб отныне
Ермак сражался только в нём".*

Но вскоре подло был обманут
Ермак мурзою Карачой:
"Теперь союзниками станем,
Кучум мне враг, ты будешь свой".

И клялся именем Аллаха,
И Магомета поминал.
Что может кончиться всё плохо,
Тогда Ермак не понимал.

Стал Карача просить: "Ногаи
Идут! Шли помощь поскорей!"
И сразу сорок пошагали
Отменнейших богатырей.

Пришли и были все убиты
Злодеями во время сна.
Пришлось Кольцову-князю битвы
Смерть от предателя принять.

А Карача, воспрянув, тут же
Решил измором взять Кашлык,
Сжимал осаду ближе, туже,
Но прахом замыслы пошли.

Двух сыновей в бою утратив
Ночном, не вынеся потерь,
Гнал Карача коня обратно,
Подальше, в марево степей.

Подслеповат, но не безмозглый,
Хан обстановкою владел,
Что Ермака дурачить можно,
В конце концов уразумел.

Весть о бухарском караване,
Идущем, якобы в Кашлык,
Пустил, обдумав всё заранее,
Хотя купцы совсем не шли.

И будто бы купцы Кучумом
Задержаны. Да как он смел!
Поверив слухам, не подумав,
Ермак сбираться повелел.

Взяв гарнизона половину -
Сто пятьдесят лихих бойцов,
Ермак в ладьях рекою двинул,
Спеша на поиски купцов.

По Иртышу шли, по Вагаю,
И поднимались по Шишу...
"Нас обманули, полагаю, -
Сказал Ермак, - а я ищу".

И неудачей удручённый,
Обратно лодки повернул.
Кучум следил и ночью тёмной
На Ермака напасть дерзнул.

<...>

*Войско Кучума окружило сонный лагерь
Ермака. Пошёл сильный дождь.*

Был ливень, полки намокали,
Казак зазря хватал ружьё...
Отряд окончил у Вагая
Существование своё.

Ермак, вертя клинок, рубился,
К реке последним отходя,
И, прыгнув в лодку, остуился,
Над ним сомкнулася вода¹¹...

Через неделю войны Кучума заметили мёртвого Ермака в воде, вытащили на берег, позвали Кучума с приближёнными. Видно, и мёртвый Ермак был страшен Кучуму, поэтому был отдан приказ: стрелять по трупу из луков.

Из ран сочилась кровь живая...
Да он, наверное, святой!
Решили похороны справить
На Бегишевском, под сосной.

<...>

Али, Кучумов сын, столицу
Занял, его прогнал Сейдяк.
Но русские всё шли селиться
И закрепляться навсегда.

Примечания автора к Главе 5

1. В годах пятидесятых - имеются в виду 50-ые годы XVI века.

2. Кучум - Кучум вел длительную и упорную борьбу с сибирским ханом Едигером, используя войско, состоящее из узбекских, ногайских и башкирских отрядов. Решительную победу он одержал в 1563 году: убил Едигера, занял город Кашлык и стал владельцем ханом над всеми землями по Иртышу и Тоболу, а равно и над барабинцами, чатами и иртышскими остяками. Савва Есипов так пишет об этих событиях: "Сын Муртазы Кучум из Казахской орды, с очень многими своими воинами подступив к городу Сибири и взяв его, сделался царем всея земли сибирской. Он подчинил себе многие народы. Прежде чем бог разгромил его царство и отдал его в руки православных христиан, царь Кучум многие годы свободно и спокойно правил в Сибири, собирая ясак".

3. Взятие Казани - в 1552 году царь Иван Грозный взял Казань и присоединил

Казанское ханство к России.

4. Тарханы - привилегированное сословие тюркской знати.

5. Убийство посла Ивана Грозного - Чубукова Третьяка и нападение на владения Строгановых произошли в 1573 году.

6. Ермак пришёл к Строганову - Ермак пришёл к Строганову Максиму осенью 1579 года. Зимой 1579-80 года Ермак зимовал в верховьях реки Сылва. А зиму 1580-81 года провёл в верховье реки Чусовой, её притоке Серебрянке.

7. Орёл - городок Строгановых на Каме.

8. Струг - военный корабль с парусами и гребцами.

9. Сражаться с Епанчой - бой у Епанчинских юрт был летом 1581 года.

10. Бой за Кашлык - столицу Сибири Кашлык Ермак занял 20 октября 1582 года.

11. Гибель Ермака - Ермак погиб в ночь с 5 на 6 августа 1584 года.

Глава 6 ТОБОЛЬСК

Казаки под предводительством Андрея Дубенского строят корабли.

...трудова кипень тут,
На берегу, возле посада,
Где счастье молотом куют
И паруса удачи ладят.

Стучит топор, свистит стружок,
И с грохотом вгоняют гвозди
И скобы в корабельный бок,
А звуки эхо вдаль уносит.

Кипит смола в большом котле,
Чтоб стала вязкой и кипучей.
Потом по швам её зальёт
Осмольщик опытнейший, лучший.

Готовят к спуску корабли,
Пятисаженные расшивы.
Уже оснастку провели,
Вдоль днищ устроили настилы.

И струг-красавец уж готов
Для атаманов с воеводой.
Не пожалел народ трудов,
Чтоб был для них поход, как отдых.

И вёсел струганых гора,
И не каких-нибудь, словых
Лежит. Трудились мастера
Из самых, что ни есть, толковых.

Сосчитан, свешан, принят груз,
Кулей огромнейшие горы
Лежат под крышей, там, где спуск
К реке. А рядом ходит сторож.

Хованский князь Андрей Андреич
Твердил своё: "Иди, иди,
Иди, как можно побыстрее,
Не то в опалу угодим".

"Я друг царю, а не опальный, -
Ему ответил Дубенской. -
- Мне светит золотом сусальным
С небес заря судьбы моей.

Идти покуда рановато,
Внизу все реки подо льдом.
А реки разве виноваты?
Вот потому и не идём.

Как только пагубные льдины
Пути откроют кораблям,
Вослед за стаяй лебединой
Вдаль уплывёт наш караван.

"Не будь, Андрей Андреич, грозным.
Ты мни лебяжий пуховик,
А я с лицом, открытым звёздам,
Давно на ветках спать привык.

Люблю открытую природу,
Люблю компанию людей,
Люблю серебряную воду
Из лодки пригоршней поддеть.

<...>

Я так давно уже из дому,
Меня зовёт родимый кров,
Но свой служебный долг я помню
И провидений слышу зов.

<...>

Глава 7 ВЕСНА 1627 ГОДА. ОТПЛЫТИЕ ИЗ ТОБОЛЬСКА

Дружину в городе любили,
О ней заботились, пеклись.
Казачи жили - не тужили,
И деньги звонкие текли.

И не стараясь величаться
Сам Дубенской стал именит:
Его охотно замечать стал
Любой тобольский гражданин.

Он дал работу очень многим
И хорошо за всё платил,
Отсчитывая точно, строго,
И за труды благодарил.

<...>

...на речных волнах открытых
Играли блики, лёд ушёл
К себе, на Север ледовитый,
А Дубенской погрузку вёл.

Кулей по двести на кораблик,
Коль счесть с крупой и толокном,
Казаки на расшиву клали,
Но на настил, а не на дно.

<...>

И порох в малых бочках тоже
Внесли, укутали в кошму.
Для них был угол отгорожен,
Чтобы ни шагу никому.

*Жители Тобольска вышли проводить
дружину Дубенского...*

...пришёл на берег
Весь город, даже стар и мал,
И всяк из них в какой-то мере
За казаков переживал.

Тут и Волынский, и Хованский,
И Фёдоров, и Угоцкой.
Весь берег в праздничном убранстве:
Цветы, иконы, аналой.

Отец Макарий службу правил
Такую в жизни первый раз:
Был целый полк перед ним поставлен,
А голосишко негорзд...

Махал кадиллом, и кедровой
Смолы струился аромат;
Пред ним стоял народ суровый,
Который надо унимать.

Оделись ярко тобольчанки,
Под цвет тюльпанов, сараны:
Любимые после прощанья
Таковыми помнить их должны.

Одежда, счастьем помогая,
Так много значила сейчас,
Её окраска луговая
Была приятною для глаз.

А в эти дни, как свечек пламя
Перед иконою тайги,
Желтели по-над берегами
Барашки - вербные цветки.

Цветущей вербы наломавши,
На корабли взойдя потом,
Девицы, вольно разыгравшись,
Воткнули ветки вдоль бортов.

Одна девица-озорница,
Пройдя сквозь тесную толпу,
Заставив город удивиться,
Преподнесла цветы... попу!

Оторопев, отец Макарий
Принял цветы, порозовел
И, в грязь пред миром не ударив,
Концовку стройную допел.

<...>

Потом свисток, и на расшивы
Вбежал огромный отряд
И начал ловко, торопливо
Дощечки схода убирать.

На мачту струга Дубенского
Подняли с образом хоругвь¹.
И пушка грохнула громово,
Начав отсчёт своих услуг.

Взмахнули вёслами Самсонов,
Фомин, Секирин, Пеунов,
И струг, на стрежень отнесённый,
Пошёл, качаемый волной.

Три церкви: Троицы, Успенья
И Чудотворный Николай -
С неторопливостью напевной
Ударили в колокола.

За стругом все расшивы вышли,
И было их пятнадцать штук...

<...>

А берег всё махал платками
И руки с шапками вздымал!
Душа народная - не камень,
Она всё чувствует весьма...

<...>

Расшивы, уменьшаясь в точки,
За поворот реки ушли...
Утри заплаканные очи
И возвратиться не моли.

Но с берега не уходила,
Как будто к яру приросла
Глубокой преданностью милая
Толпа тобольских Ярославн.

Уж колокольный звон тягучий
Над Иртышом пустым не пел.
Над лесом поднялася туча,
И свежий ветер налетел.

Пошли они к своим избушкам
Зелёным берегом, бугром.
А в небе, дальностью приглушен,
К ним докатился первый гром.

<...>

А серединой Иртыша
За лёгким стругом боязливо,
Стремясь порядок не смешать,
Тянулись грузные расшивы.

Струг им команду подавал,
Едва заденет солнце краем
Тайги синеющую даль,
Расшивы к берегу вставали.

В курью² входили иль в залив
И выбирали берег суше,
Жгли кашеварные костры,
Во сне встречали день грядущий.

На третий день наш атаман,
Причалив тою же порою,
В том месте, где Демьянский Ям,
Решил дружинный круг устроить.

Блестела новая хоругвь
Сплетением золотошвейным.
Стал воевода видом строг
И начал речи нешутейно:

"Казаки, други вы мои,
Коль я по службе с вами связан,
Здесь перед Богом и людьми
Сегодня клятву дать обязан,

Что, хоть умру, не изменю.
А изменю - меня убейте.
А я изменника казню,
И вы такого не жалеите".

И саблю вскинув под высь,
Как полагалось это, первым,
Сказал: "Дружина, поклянись
Со мною на большую верность!"

И сотни сабель вскинув вверх,
Дружина клятву подтвердила.
И атаманы сотен тех
С поклоном их благодарили.

"Идём не в бой за жизнь свою,
А отправляемся на стройку.
Так будем, братцы, духом стойки,
Коль нападут, в любом бою!"

Домчал Иртыш до устья скоро,
И в Обь судёнышки вошли.
Налево были белы горы,
Напротив - город Муалым.

А белы горы - яр высокий,
Где берег круто был подмыт.
На Белогорьи годы многи
Шайтан хантыйский род хранит.

Шайтаном был из меди идол,
А может даже золотой.
Так говорили те, кто видел,
И будто идол тот святой.

Толкнула Обь расшивы в скулы,
И, как рулями ни верти,
Но разбросала, растянула
Флотилию на полверсты.

Приноровившись, можно просто
Реки течение одолеть.
Но вечерело. Выбрав остров,
Остановились на ночлег.

А утром буря низовая
В пути расшивы догнала.
Весёлой качкой забавляя,
Их за собою повлекла.

Играя, ветер бьёт, теребит
Валы, чтоб на небо зазвать.
Они, как раненая лебедь,
Не могут крылья оторвать.

Волна, взлетев, опять топилась,
И тут же снова наверх шла!
Её влекла, её манила
Судьба свободного крыла!

Казаки вот уж целый месяц
С утра до вечера гребут.
Вот показался из-за леса
И вышел на берег Сургут.

Сургут - уездный городишко,
Стоит над самым бережком.
Зазвякал вдруг колоколишко
Весёлым, длинным языком.

На берегу народ столпился,
Встречает радостно суда,
Хлеб-соль несут и просят милости
Здесь якоря свои отдать.

Сошли и город полонили -
Ну, просто некуда шагнуть:
Избушек сорок перед ними
Напоминали старину...

На всех берестяные крыши,
В окошках только пузыри.
Одна лишь съезжая повыше,
А то хоть город не смотри!

Была часовенка косяя
Да воеводин особняк.
У всех людей, что проживают,
По целой дюжине собак.

У воеводы был помощник -
Хантыец, местный князь Бардак,
Давно имеющий хороший
С властями русскими контакт.

<...>

Передневали. Мылись в банях
И избавлялись от ломот.
Лист у берёзы был не ранний,
И прожигало напролёт.

И снова все на караване
Взбурлили вёслами реку.
Двойной салют при расставаньи
Был лучшей платой городку!

Сияли дни, поход вершился,
И дело шло само собой.
И повстречался им Аршинский,
Везущий пленников в Тобольск.

"Ты что, ясырь³ везёшь, Богдаша?
Кому так руки заломил?"
"Онуфрич, это люди наши,
Иван, Степан, Фома, Ермил..."

Зачинщиков Ошанин выдал,
Был в Енисейске нынче бунт.
И он заядлых самых выбрал,
В Тобольске дело разберут...»

Примечания автора к Главе 7

1. Хоругвь - воинское знамя, на полотнище которого изображён образ Иисуса Христа, Богородицы, святых, герб, или святые реликвии.

2. Курья - то же самое, что и старица (участок прежнего русла реки) (сев.-рус.); залив, глубоко вдающийся в берег озера или реки (помор.)

3. Ясырь - пленник.

Глава 8 ОТ НАРЫМА ДО МАКОВСКА

В пустыне город на пути
Всегда приятен, как награда.
Нарым ключ держит от Кети,
Хранит общественный порядок.

Он - средоточие орды
Селькупской, прозванною Пегой,
Среди болот, среди тайги
Селькупы держатся по рекам.

Вот наконец-то и Нарым,
И было радостно причалить.
Все принялись обед варить,
Селькупов угощать начали.

Тут был письменный Голова
Правителем, Степан Салманов.
Он в этот день торжествовал,
Приняв вождя и атаманов.

Идут три сотни по Кети,
Быть за хребтом теперь Нарыму.
Орде теперь, как ни крути,
Придётся посчитаться с ними.

<...>

НОЧЛЕГ

Ночлег в лесу на берегу
В погоду тёплую приятен.
На всех хватало лунных пятен,
Хвою заставших на полу.

Лес принимал богатырей
Под полога стрельчатых кровель,
Завесив солнышко зарёй,
Луну поставив в изголовьи.

Располагались на земле
И умолкали, будто шмели.
А рядом, грозная, во мгле
Река пучинами шумела.

И засыпали кое-как
Под теней редкими сетями,
И проникали в полумрак
Сны с многоликими вестями.

По сотням бодрствовал дозор
Ему всегда одна забота:
Вдруг, искры выбросив, костёр
Подпалит сонного кого-то.

Трещало где-то далеко
Под чьею-то тяжёлой лапой.
Медведь оттуда на огонь
Смотрел, вынюхивая запах...

<...>

Потом стихало всё вокруг,
Лишь ели тихо шевелились.
Они, качаясь на ветру,
Рассвету шёпотом молились.

Ходил ночами Дубенской
По лагерю совсем неслышно
И воинов ночной покой
Оберегал, как у детишек.

Он сотни вольные свои
Любил, исполненный признанья,
Шептал: "Дреговичи мои,
Мои родимичи, древляне,

Кто вас родной земли лишил,
Изгнал из-под родного крова,
Обидою ожесточил
И сделал жизнь пятирублёвой?"

Но в лагере не спал ещё
Один казак. Едва проснувшись,
Он осторожно отошёл
От лагеря и начал слушать...

Нашли друг дружку... "Это ты?
Как нелегко тебя найти".
"Ты осторожна, как лиса,
Как полуночица сова".

"Я запасную тетиву
Скрутила, пальму отковать¹
Ты сможешь сам, тебя зову -
Пойдём ко мне в мужья, Иван,
На Глухариную реку,
К моему роду Сангель-кы.
Тебя ни в чём не упрекнут
Ни юноши, ни старики.

К зиме отроем корамо²
В яру, успеем просушить.
И будешь ты тогда со мной
Одной счастливой жизнью жить.

Сухого моха наберу,
А сверху шкуры постелю.
И медвежатиной в жиру,
И осетриной накормлю.

Мне кажется, давным-давно
Судьба уже сводила нас,
В то время солнышко с луной
Взошли над лесом в первый раз.

И нам поможет добрый дух,
Не тронет водяной старик,
Отсюда в Пегую орду
За мною лодку поверни".

Ответил Бабушкин Иван:
"Ты молода, ты весела,
Лицо красиво, строен стан,
Но надо мною чести власть".

"Ты бел лицом и ясноглаз.
В них синь небесная видна,
А я немножечко смугла,
Но всё же есть и белизна.

Бедна я свадебным добром,
Из шкур налимьих мой наряд.
Из кожи лебедя с пером
Скроена шапочка моя.

Возьми её, чтоб не забыть
Про Кеть-реку и про меня".
Во избежание обид
Иван сердечный дар принял.

"Мне сказки о стране твоей
Поведал дедушка Киргей -
О красоте людей, жилищ,
О хлебобородности земли.

Он был в Москве, его туда
Позвал для пира царь Руси,
Из полотнищ одежду дал
В цветах, которая блестит.

Вернувшись, семью окрестил
И дал другие имена.
И я крещена. Ты б спросил,
По-русски как зовут меня.

Я по-селькупски Киноту,
По-русски Авдокея я.
Ношу в своём уме мечту
Увидеть тёплые края.

Коль полюбил всерьёз, бери
И увези с собой на Русь".
"Я не могу сейчас, прости,
Но обещаю, что вернусь.

Киноту рода Сангель-кы,
Когда убьют меня, всплакни
И знай, что нет меня. Под визг
Мне сердце вырезал кыргыз".

"Убьют, ты светлой птицей стань,
Взлети высоко в небеса
И прилетай сюда, Иван,
На голос мой в мои леса".

Ему вернуться не пришлось -
Его убил князец Коян.
Иван ходил к нему послом
В отроги Северных Саян.

Погибли с ним и два певца,
Друзья Якуня и Потап.
Коян визжал, Коян плясал,
Сласть вероломства испытав.

В дружине было два певца:
Один Потап, другой Якуня,
Привыкших петь по клиросам
Молитву Божию святую.

Они ходили по Руси,
Пустыни, скиты посещали,
А также все монастыри.
Подолгу в каждом проживали.

Великой силы мужики
На свет, скитаясь, нагляделись.
Теперь вот оба казаки,
Женились, семьи заимели.

Однажды как-то на яру
Запел Якуня Ругодивцев
И гласом ангела в миру
На небеса начал проситься.

А Иванов потом Потап
Добавил горлом соловьиным!
Затосковали вместе так,
Как ко Христу придя с повинной...

Сложился хор, и вот теперь,
Случалось, пели на привале.
И убегал в трущобы зверь,
В глубины рыба уплывала...

И вглубь прикетской стороны
Пошла молва от встречных к встречным:
Идут рекою ревуны
С душой незлобивой, беспечной.

Имелись также плясуны,
Из них сильнейшие - Кольцовы.
Под три кручёные струны
Переплясать весь мир готовы.

Шла на привалах и борьба,
Борец Никита был сильнейшим.
Не позволял свалить себя,
А сам любого клал, конечно.

Борьба красива, в ней броски,
Подножки, полные азарта...
Так разминались казаки,
К веслу готовились на завтра.

<...>

ПО КЕТИ

Родилась речка ручейком
С вершиной тоненькой, ветвистой,
Потом наощупь и ползком
К Оби сумела просочиться.

Из царства утренних лучей,
Из белоснежного избытка
Берёт начало и течёт
Природы щедрой фаворитка.

По берегам лежат пески
Настоль отмытые от ила,
Как будто белые холсты
Рука девичья расстелила.

В сезон осенний, золотой,
Жилища девственного леса
Всегда осыпана листвой
И спелым хмелем, как невеста.

По наволокам хмельники.
Черёмуху согнула тяжесть,
И были ягоды те сладки,
Душистые, как мёд корчажный.

Идя на север, наискось,
С пути сбиваясь к востоку,
Кеть поработала не вскользь,
Дорылася до мест высоких.

Дубравы встретила, боры,
Где нет болот, земля сухая.
Там берега свои яры
К реке обрывами спускают.

Войдите в бор, он светл, высок,
Вершины сосен в синей выси,
Где льётся солнечный поток,
И о хвоинки ветер свищет.

<...>

Уже дубровы отпылали,
И откричали журавли,
И утки целыми полками
Из тундры, с севера прошли.

И пролетели гусь и лебедь,
Великая Сибири честь
От этой птицы. Стихло в небе,
И приумолк, нахмурясь, лес.

Снег повалил вослед за гусем,
И тучи чёрные пошли,
И дунул ветер резкий, жгучий,
Обледеняя корабли.

Был караван уж близок к цели.
Не ожидал никто беды.
Вдруг корабли уткнулись в мели,
Где на один аршин воды.

Но тут зыряне, кеты вскоре
Пригнали лодки, чтоб суда
Легчить. Потребовался ворот,
И дальше двинулись тогда.

Ну вот и Маковск, Богу слава.
Весь хлеб в амбар - пусть будет там.
Все корабли на берег правый
Заволокли по покатам.

Но негде жить - опять несчастье,
Куда деваться, как тут быть?
И вся дружина принялася
Избушки новые рубить.

Оголодали, утомились,
Попростывали по шатрам.
Терпи, казак, за это милость
Придёт от русского царя.

<...>

В ЕНИСЕЙСКЕ

Большая съезжая изба³
Была душою Енисейска,
В те дни собравшая в себя
Людей больших, первостатейных.

Тут были те, от чьих трудов
Просторам русским так рослося.
Отцом десятку городов
Стать Енисейску довелось.

Мы поведём короткий счёт,
С их именами познакомим.
Бекетов тут, бывало, Пётр
Сидел на лавке под иконой.

Он энергичен был, не крут.
С тунгусами на речке Рыбной
Мир сотворил, позднее Якутск
Поставил, лично место выбрав.

<...>

Бывал на съезжей Хрипунов.
Для Дубенского друг, приятель,
Свободный сотник уж давно,
И по пути, рудоискатель.

В горах разыскивал руду,
Носил сомнительные камни,
Смеялся: "Золото найду -
Перекрещусь двумя руками!"

А Дубенской бывал весь день
И атаманы трое тоже,
Один уйдёт - другой придёт.
Порядок дел заботы множил.

<...>

Постановили атаманы,
А сход решенье утвердил:
Расшивы сами делать станем,
Тобольский опыт научил.

Лишь судомастера позвали
Из местных, начали гадать
О поисках материала,
О том, какими быть судам.

Была и сила, и смекалка,
И инструмент имелся весь.
Но не было сухой ни палки,
На дело брали мёрзлый лес.

Возили брёвна и кололи,
Обтёсывали по шнуру,
А после клеткой доски клали,
Чтоб подсыхали на ветру.

И для расшив на все упруги
Казак брал только ель.
Её на дело с корнем рубят,
Чтоб корень вывернулся цел.

Глава 9
**ИЗ ЕНИСЕЙСКА
К КРАСНОМУ ЯРУ**

Расшивы стали делать в марте.
"Не торопись, болонь⁴ стещи! -
Учил казаков главный мастер, -
А вот теперь пора пришить!"

По счёту гвозди выдавали.
Гвоздь уронил - ищи тогда!
И поговорка бытовала:
"Нет ничего важнее гвоздя!"

И выражение "Загвоздка",
И что "всего важнее гвоздь",
На свет явились не просто,
Их людям выстрадать пришлось.

Бессчётно досок натесали,
Забили уйму костылей.
Теперь стоят под парусами
Шестнадцать новых кораблей.

Все мачты прочны, парус также,
По мерке скроен, крепко сшит.
Холста потрачено на каждый
Почти сто семьдесят аршин.

Расшив тринадцать, стругов тройка
Готовы к бегу по волнам.
Не кособокие, и стойки,
И подчиняются рулям.

И все проверены, без течи.
Добра сосновая смола.
Тут плотникам гордиться есть чем,
Им полагалась хвала.

И полагалось угощение
На берегу возле воды.
По чарке дали в знак почтения
За столь успешные труды.

Примечания автора к Главе 8

1. **Пальму отковать** - сделать копьё.
2. **Корамо** - землянка.
3. **Съезжая изба** - государственное учреждение, канцелярия.
4. **Болонь** - молодой, не вполне одеревеневший, рыхлый, поверхностный слой дерева.

Лишь после праздника Николы
Реки сияющая гладь,
Дохнув просторами и волей,
Пути открыла кораблям.

Гремели якорные цепи,
Пальнула пушка, ружья бьют...
Да есть ли лучший миг на свете
Момент отправления в путь?

Прошло полдня, и вновь удача,
Как это было на Оби:
Низовый ветер буйство начал,
Стал добираться до глубин.

Надулся сразу парус белый
И снасти туго натянул,
И корабли, как на качелях,
Взлетать начали на волну.

Играла буря белым валом,
Вздымала, прятала опять.
Река как будто бы пыталась
Себя глотками измерять.

Но вскоре буря белокрыла,
Природы вольная душа,
Своей дорогой удалилась,
Забыв казачьи паруса.

И снова вёсла закрипели
И натянулась бечева,
В день удавалось еле-еле
По десять вёрст одолевать.

Вода стремительно катилась,
Являя полуводопад.
Казачьи сорванные жилы
Ей не могли не уступать.

Река великая, поющая,
Внутри звенящая река!
То голос струй, с Саян отпущенных,
Рождённых в тающих снегах!

Нырните вглубь, и гул спокойный
Вам будет слышен тот же час,
Как звон далёкий, колокольный,
Давно заказанный для вас...

Сияли дни, и шли навстречу
Просторы валом голубым,
И распрекрасной, бесконечной
Казалась Средняя Сибирь.

И постепенно приближались
Предгорий гладкие горбы,
Как нарисованные в далях
Кривые линии судьбы.

Судьба нисколько не страшила,
Хотя неведомой была,
И притягательная сила
В той неизвестности была.

Хотелось ласковых красавиц
В тех далях встретить казакам,
Чтобы уста их уст касались,
И с ними жизнь была легка.

От Енисейска в три недели
Дошли к порогу корабли.
Могуч, глаза бы не глядели,
Как он пугающе бурлит!

Как он обтачивает камни
И превращает их в клыки.
Драконья пасть пред казаками
Открылась, свесив языки.

Пред пастью грозною, развёрстой
Остановились корабли,
Чтоб разгрузиться и за версту
Носить по берегу кули.

Три дня разгрузка продолжалась,
Пришла пора идти на риск.
В ком от испуга сердце сжалось,
Кто не умеет - не берись!

Но тут как тут со струга кормчий,
Что шёл всегда передовым:
"Иду! Ну, кто со мною хочет?"
"Нет, Гриша, мы повременим!"

Но подошёл к нему Самсонов,
Казак удалый Севостьян:
"Я человек заговорённый,
И мы с Секириным друзья".

И струг, ведомый на бечёвке,
Вошёл в буруны, будто клин.
И сквозь проран красиво, чётко
Через порог перевалил.

Из-за лесных зелёных кущ
Явился на берег с визитом
Знакомец старый, князь Татуш,
Улуса дальнего правитель.

Гостеприимный человек,
Любил гостей, сам ездил в гости.
На этот раз он в путь побег
Не в ожиданьи удовольствий.

Услышав весть "Рекой идут!",
Он, все дела свои забросив,
Поехал выяснить, кто тут
Наделал шуму, хоть не просят.

Подъехал ближе по кустам,
И тайна сразу же открылась:
Толпа огромнейшая там
Мешки вдоль берега носила.

И вдруг увидел, что толпой
И суетней большой и общей
Командует не кто другой,
А тот былой ясачный сборщик.

Он хан на этом берегу,
С большою надо всеми властью.
Что скажет - исполнять бегут
Без недовольства, несогласья.

Пошёл к нему: "Андрей!" "Татуш!"
Как принято, пожали руки.
"Все наши люди ждут беду,
А мы с тобой знакомы, други.

Сейчас своих я позову,
Пусть едут, нечего бояться".
И сильно свистнул, этот звук
Стал недалёко повторяться.

И десять спутников вождя
Явились, коней расседлали
И стали зорко наблюдать
За здесь идущими делами.

Татуш расспрашивал, куда,
Зачем идут большие силы?
"Мы будем строить города
И приобщим Сибирь к России.

Желаем, чтоб казанский лук,
Башкирский лук и лук сибирский
Навстречу западному злу
Шли с нами в рати богатырской".

"Мне каково, ведь я кыштым¹,
Алтын царю и вам ясачный.
Мы между двух огней стоим,
Как не обжечься - вот задача!"

Арины² начали ловить
Своих коней, седлать проворно.
Лошадки - львы: и стать, и прыть,
И подчиняются покорно.

Татуш сказал: "Андрей, взгляни,
Чья на моём Серке уздечка?
Я не забыл, как видишь, дни
Знакомства нашего и встречи".

Арины в поле умчались,
Раздувши полы шуб нагольных.
Какая радостная жизнь,
Ей позавидуешь невольно.

На две недели задержал
Порог, навёрстывай теперь!
Но было времени не жаль,
А жаль, народ перепотел.

Конечно, были хлеб и соль,
Тем более, была вода.
Но если бы не рыбный стол,
То хоть ложись и помирай!

Однажды, только разошлись,
В сорок седьмой то было день,
Явилась Кача, острый мыс
И Красный Яр... "Так вот вы где!

Река Кача

Поближе к берегу рули!
Теперь левей, не сядь на мель!"
И становились корабли
В таком порядке, кто как шёл.

Спустили сходни, и легко,
По праву первым, не кичась,
Пошёл на берег Дубенской.
Да будет добрым этот час!

На нём кафтан, зелёный цвет,
В косоворотке снова той,
Поверх кафтана вперекрест
Надеты сабля и пистоль.

Он воевода, а не дьяк,
Не из ярыг, не из купцов.
Привёл с собою не бродяг,
А триста добрых молодцов.

Сошёл со сходен и ногой
Ступил на берег, в тот же миг
Прогрохотало, и огонь
Сверкнул, и порох задымил.

Астафьев пушку заряжал,
А Астраханцев запыжил,
Иван Кольцов огонь держал,
И он же к полке приложил.

Из пушки выстрел громовой
Салютом был ему, вождю.
Стал радостней сердечный бой,
Сильнее укрепился дух.

Дружине выстрел - чести дар
За то, что кончила поход.
Народам ближним весть подал,
Что время новое идёт.

Греметь салюту сто веков,
А, может, и сто тысяч лет.
И вечно будет Дубенской
Своим на Качинской земле.

Пришёл на ум царь Леонид³,
Гоплиты⁴, что с ним вместе шли.
Их было триста, и они
При Фермопилах полегли.

Он будто чувствовал беду,
Что по степям, сердясь, вояки
Уже на сборища идут
Переступить через собаку⁵.

Тут вдруг за Качей из кустов
Татарский выехал отряд,
Чтоб посмотреть, случилось что,
Куда собираются стрелять?

Горячий парень Жиганьша
Пустил свистящую стрелу⁶.
Отняли у него колчан,
Сказали - поломают лук!

Три раза прокричали: "Кит!"⁷
Махая к северу рукой,
И луки делали навскид,
Но видят, пользы никакой...

Отряд уехал, лишь слегка
Призадержалась молодёжь,
И стрелы вздумала пускать,
Но далеко, однако, всё ж.

Взялись за ружья. Глядь - их нет,
Уехали, не без ума,

Вот так спокойнее, верней,
Ато "кита" кричат, шумят...

Отдельно сотни разместив,
Образовали круга три.
Потом поставили шатры
У круга каждого внутри.

Там атаманы будут жить,
Для воеводы свой шатёр.

И печи следует сложить
Из камня, сброшенного с гор.

Примечания автора к Главе 9

1. Кыштымьы - зависимые данники, которые обязаны другому народу покорностью и платежом дани.

2. Арины - к востоку от нарымских селькупов обитали племена Сибири: кеты (енисейские остяки), ариньы, котты, ястынцы (4-6 тыс. чел.), расселившиеся по Среднему и Верхнему Енисею. Их основными занятиями были охота и рыболовство.

3. Царь Леонид - был царем Спарты с 491 год до н. э. по 480 год до н. э., обессмертил своё имя сражением при Фермопилах (Тёплые ворота). Защищал с 6 тысячами воинов (в том числе и личной гвардией из 300 спартанцев) Фермопильский проход при наступлении персидских войск и погиб в бою.

4. Гоплит - древнегреческий тяжёловооружённый пеший воин. Слово происходит от названия тяжёлого круглого щита - гоплон (др.-греч.)

5. Переступить через собаку - причулымские кыргызы перед военным походом давали клятву, перешагивая через разрубленную собаку.

6. Свистящая стрела - стрела, у которой вместо наконечника пустой орех с отверстием. Цель выстрела: подать знак - мы вооружены, но мы не враги.

7. "Кит" - по-татарски - уходите.

Глава 10
ПЕРВЫЙ ПРАЗДНИК У ЯРА.
ОТДЫХ

Работы - город непочатый
Был у дружины впереди.
И лишь один забор дощатый
Мог от разбоя оградить.

Пост на горе и под горою
Поставили, наладив связь.
Но если дело боевое -
Стрелять приказано тотчас!

И дело шло, уже в улусах
Послы успели побывать,
И там для дружбы и союза
Лошадок начали давать.

Рубили брёвна, волочили
Из леса ближнего на мыс,
Но тут быть празднику случилось,
И отдохнуть явилась мысль.

<...>

И с воеводского согласия
В Петров день, праздник годовой,
Был взят последний из запаса
Вина бочонок гостевой.

В затоне рыбы наловили,
Коз принесли из-за горы.
Всё перемыли, посолили
И стали жарить и варить.

<...>

Три сотни вместе - людно, густо,
Не так-то просто накормить...
Казачи ждут и балагурством
Острыят задиристо умы.

Один лентяй, другой засоня,
А тот топорик обронил.
К татаркам лезут - значит, коней
Отнимут люди в эти дни.

Вот смех утих, то атаманы
С самим Онуфричем прищли,
И повар дал приказ желанный
Для всех - садиться за столы.

Столы из досок тополиных,
Натёсанных из горбылей,
Накрыты сверху парусиной,
За неимением скатертей.

Сидели люди, ждали речи.
Общеньем душ полезен пир.
Узнать хотелось, конечно,
Что воевода накопил.

А воевода сам стремился
Поговорить, имел слова.
Он встал, застолью поклонился
И ожидание прервал:

"Вам, атаманы удалые,
И вам, стрельцы и казаки,
Я низко кланяюсь ныне
За одоление реки.

За прохождение порога,
За переноски, тяжкий труд.
За то, что нынче, слава Богу,
Живыми собралися тут.

Я вам от имени России,
Что нас на стройку послала,
За ваши подвиги большие
Хочу здоровья пожелать.

Нас не возмёшь рукою голой.
И у меня надежда есть,
Что мы поставим этот город
Для укрепления здешних мест.

Он Енисейску будет братом,
Татарам тоже станет свой.
Потом и силой, и богатством
Почти сравняется с Москвой.

Перерастёт Тобольск, ей Богу,
И Верхотурье, и Тюмень.
Река большая, лесу много
И плодороднейших земель.

Хоть городок ещё не вырос,
Его постройка впереди -
Уважим это место пиром,
Обычай жителям дадим.

Обычай общего веселья
При совершеньи добрых дел,
Чтобы во время новоселья
Весь город радовался, пел!

Потомкам скажем: мыс высокий,
Что им Андрюшка подыскал,
Пусть украшают по-московски,
Не оскверняя рек и скал".

<...>

Тут по сосудам, без зазора,
Стал раздавать вино черпак,
Как вдруг с посыльным из дозора
Явилась всадников гурьба.

Остановились в сторонке,
Коней к топольнику свели
И привязали. Одежонку
От шерсти, пыли отрясли.

И заготовленное место
Теперь не стало пустовать.
Все гости сели кучкой тесной...
Неуж народец трусоват?

Но за ковши взялись смело,
Ведь был за ментора Татуш,
Любящий истинное дело,
Беседу, выпивку, еду.

"Вино - огонь. Какая почесть!"
Арины выпили до дна.
"Переведи, о чём лопочут?"
"Да говорят, теперь родня".

<...>

И загудело, будто улей,
Застолье, втягиваясь в пир.
Казаки песню затянули
Про распроклятую Сибирь.

"По Сибири мальчик хаживал,
Голодал и замерзал.
Города в лесах налаживал,
Счастья, радости не знал.

Но родимую Коломницу
Вспоминал он каждым днём,
Где скучала, будто горлица,
Красна девица о нём.

Отслуживши службу верную,
Разудалый, молодой,
Заломив папаху серую,
В лодку сел, уплыл домой.

Целовала его милая,
Обнимала без конца.
Сокол с горлинкой любимую
Возвратились от венца".

Князец Татуш, аринец лучший,
Не усидел, не утерпел
И, прославляя добрый случай,
Про пир сегодняшний запел:

"Урманы наши дики, хмуры
В забытой Богом стороне.
Зимой и летом носим шкуры,
Под шубами рубашек нет.

Мы люди добрые, простые,
Даём ясак в казну царя
И Алтын-хану. Пусть Россия
Одна уж будет собирать.

Сегодня наши чаши полны,
И крепость добрая в вине.
Добро арины могут помнить,
Потом отпотчуют вдвойне".

Он пел, а Бабушкин дословно
Всё успевал переводить,
Что побудило Дубенского
К себе Татуша пригласить.

<...>

Отойди, очисти место,
Плясунам где разойтись.
Про Коломенское песню
Приударил бандурист.

Растревожилась бандура,
В круг веселья понеслась!
У кого бойчей натура,
Покажи её сейчас!

Топотили о пригорок,
Припечатывая так,
Будто думали под город
Крепче место утоптать!

Будто цель всего похода
Состояла только в том:
Наплясаться до упаду,
Холод втягивая ртом.

<...>

Хорошо танцуют, славно,
Выкрутасы хороши,

Но Кольцова Милослава
Победивших не ищи!

<...>

Наплясались, накружились,
Это праздник, это жизнь.
"Эй, казаки, кто двужильный?
Выйди, силу покажи!"

Обхватились руками,
Раскорячились борцы,
Оплетаются ногами,
Ловко делают броски.

Тут татарин, звать Абысом,
В круг вошёл и стал "быком".
Вот попробуй разберися
В обстоятельстве таком!

Из Тюмени забияка,
Весельчак, смельчак, ловкач!
Тут Кузьма сказал: "Давай-ка
Спробуем, какой силач!"

Вот Абыс, глаза сощелив,
Кузю сжал - спина тонка,
Оттолкнул: "Уйди немедля,
Молоко соси пока!"

«Что ж, выходит, мы побиты,
В попятную нам свернуть?
Где Иваныч, где Никита?»
"Я давно смотрю, я тут!"

И пошёл медведь к медведю,
На кряжа нашёлся кряж,
Заграбастались немедля
И вошли в свирепый раж.

Долго мялись и топтались,
От натуги покраснев.
Как сошлись, так расстались,
Не узнавши, кто сильней.

Защищена честь аринов,
Спасена казачья честь.
Богатырский поединок
Огорчений не принёс.

"Я его сумел бы бросить,
Есть один такой приём, -
Говорил Никита после, -
Погодим да подождём".

А Абыс, всё вспоминая,
Говорил своим друзьям:
"Я такого не сломаю
И себя сломать не дам!"

День веселья скоро минул.
Освещённые луной
И татары, и арины
Дружно ехали домой.

Удалая кавалькада
На скаку разорвалась,
А потом, догнавши, рядом
Придержал конишку князь

И промолвил: "Слышь, ребята,
Не подумайте, что пьян.
Этак лет через десяток
Перееду в город я.

Я люблю на многолюдстве
Пировать и говорить,
Чаши многие прольются,
А вино у них - горит,

Наполняет сердце силой,
Вышей радостью земной!
Завладеть неплохо б было
Ихней ложкой разливной!

Мы догоним, мы сумеем,
Разгадаем всё равно
Их секреты, рожь посеём,
Перегоним на вино.

А теперь споем совместно
Про счастливую любовь,
Как женился парень честный,
Взяв жену за семь коров".

А в улусе жданки съели¹,
Беспокоясь о мужьях.
Бабы плакать кучкой сели,
Подошла ворожея.

Вдруг слышалось далёко,
Будто кличут журавли...
"Утирайте, бабы, щёки,
Едут дьяволы, живы!"

За рекой заря вставала,
Стошатровый лагерь спал,
Да кукушка куковала,
Радуясь, что день настал.

Поднимались над кострами
Кашеварные дымы...
Красноярье, Красноярье,
Исторические дни.

Примечания автора к Главе 10

1. Жданки съели - у сибиряков бытовал обычай: жена, ожидая мужа на побывку, готовит для встречи продукты и не трогает этого до самого приезда ожидаемого. Если же муж очень долго не возвращался, такие продукты-жданки - съедались.
